

Оглавление

Глава I. Никого не осталось.	3
Глава II. Госпожа Мэри-Всё-Наперекор.	10
Глава III. Через вересковую пустошь.	20
Глава IV. Марта	26
Глава V. Плач в коридоре.	46
Глава VI. «Там кто-то плакал... плакал!»	54
Глава VII. Ключ от сада	62
Глава VIII. Робин показывает дорогу.	70
Глава IX. Самый странный дом на свете.	80
Глава X. Дикон.	92
Глава XI. Гнездо дроздиhi	107
Глава XII. «Можно мне получить клочок земли?»	118
Глава XIII. «Я — Колин»	129
Глава XIV. Юный раджа	146
Глава XV. Строительство гнезда	161
Глава XVI. «Я больше никогда не приду!»	176
Глава XVII. Припадок.	185
Глава XVIII. «Нам не след терять ни минуты»	194
Глава XIX. «Она пришла!»	202
Глава XX. «Я буду жить вечно... вечно... вечно!»	216

Глава XXI. Бен Уизерстафф.....	227
Глава XXII. До захода солнца	241
Глава XXIII. Чудо.....	248
Глава XXIV. «Пусть себе смеются».....	263
Глава XXV. Шторка.....	278
Глава XXVI. «Это матенька!».....	287
Глава XXVII. В саду.....	299

Глава I

Никого не осталось

Когда Мэри Леннокс прислали к дяде в поместье Мисслтуэйт-Мэнор, где ей предстояло теперь жить, все сочли ее там самой неприятной девочкой, какую им доводилось видеть. И это было правдой. Именно такое впечатление производили маленькое худое личико и маленькое тщедушное тельце, жидкие тонкие волосы и угрюмый взгляд Мэри. Волосы у нее были желтыми, безжизненными, и кожа под стать им — желтушная, потому что родилась она в Индии и постоянно чем-нибудь болела. Ее отец занимал некий пост в британской колониальной администрации, поэтому всегда был занят и сам часто болел, а мать, выдающуюся красавицу, интересовали только светские мероприятия и развлечения в веселых компаниях. Ребенок ей был совершенно ни к чему, и, когда родилась Мэри, мать полностью перепоручила ее заботам айи¹, которой ясно дали понять: если она хочет угодить мэм-саиб², то должна держать малышку подальше насколько это возможно. Поэтому, когда девочка была болезненным

---

¹ Няня-туземка. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Почтительное обращение к европейской женщине в колониальной Индии.

беспокойным уродливым младенцем, делалось все, чтобы она не попадалась матери на глаза, а когда стала болезненной беспокойной топтыгой — и подавно. Мэри не помнила, чтобы рядом с ней был кто-нибудь помимо айи и других смуглых туземных слуг, а поскольку они опасались, что плачущий ребенок вызовет гнев хозяйки, то потакали девочке, позволяя ей делать все, что заблагорассудится; и к шести годам Мэри превратилась в самое деспотичное и эгоистичное маленькое существо на свете. Молодая гувернантка, которую выписали из Англии, чтобы учить девочку читать и писать, так намучилась с ней, что через три месяца отказалась от места, а все последующие, сменявшие друг друга, сбегали еще быстрее. Так что, если бы Мэри в конце концов сама не захотела читать книжки, она бы вообще никогда не выучила букв.

...Одним чудовищно жарким утром девятилетняя Мэри проснулась ужасно недовольной и рассердилась еще больше, увидев, что у кровати стоит не ее айя, а какая-то другая служанка.

— Ты что здесь делаешь? — рявкнула она на незнакомую женщину. — Не желаю тебя видеть. Пришли сюда мою айю.

Испуганная женщина смогла лишь пробормотать, запинаясь, что айя не может прийти, и даже когда Мэри, взбесившись, стала бить и лягать ее ногами, она, испугавшись еще больше, только повторила, что айя никак не сумеет прийти к мисси-саиб.

Какая-то неуловимая тревога витала тем утром в воздухе. Ничто не шло заведенным чередом, и некоторые слуги-туземцы, казалось, куда-то пропали, между тем как те, которых Мэри видела, сновали

туда-сюда, крадучись, с посеревшими испуганными лицами. Но никто ничего ей не говорил, а аяя все не появлялась. Мэри оставили практически без присмотра, и в конце концов она забрела в сад и стала одна играть под деревом возле веранды. Делая вид, что сажает клумбу, она втыкала большие алые цветки гибискуса в маленькие кучки земли, все больше распляясь и бормоча себе под нос ругательства, которыми собиралась осыпать аяю, когда та наконец объявится.

— Свинья! Свинья! Свиное отребье! — твердила она, потому что назвать туземку свиньей было худшим оскорблением.

Скрежеща зубами, она повторяла это снова и снова, пока не услышала, как на веранду, с кем-то разговаривая, вышла мама. Ее собеседником оказался белокурый юноша, они стояли и беседовали приглушенными тревожными голосами. Мэри знала, что этот юноша, почти мальчик, — молодой офицер, только что прибывший из Англии. Девочка с интересом уставилась на них, но главным образом — на мать. Она всегда, когда выпадала возможность, смотрела на нее во все глаза, потому что мэм-саиб — так она чаще всего называла мать — была высокой, стройной, красивой и чудесно одевалась. Ее волосы напоминали волнистый шелк, маленький носик выглядел изящно, но все это казалось незначительным по сравнению с огромными смеющимися глазами. Все платья матери, сшитые из тончайших струящихся тканей, «тонули в кружевах», как говорила Мэри. Нынешним утром кружев, казалось, было больше, чем обычно, но расширившиеся мамины глаза совсем не смеялись. Она с мольбой смотрела на юного свет-

ловолосого офицера, и в ее взгляде стоял страх. Мэри услышала, как мама спросила:

— Неужели все так плохо? О, неужели?

— Ужасно, — дрожащим голосом ответил офицер. — Ужасно, миссис Леннокс. Вам следовало уехать в горы еще две недели назад.

Мэм-саиб заломила руки.

— О, я знаю, что должна была! — воскликнула она. — Осталась только ради того, чтобы пойти на этот злосчастный званый обед. Как же я сглупила!

В ту же секунду со стороны хижин прислуги раздался такой громкий вой, что женщина стиснула руку молодого человека, а Мэри с головы до ног покрылась мурашками от ужаса. Вой все нарастал.

— Что это? Что это такое?! — задохнувшись, вскрикнула миссис Леннокс.

— Кто-то умер, — ответил мальчик-офицер. — Вы не говорили, что несчастье добралось и до ваших слуг.

— Я не знала! — воскликнула мэм-саиб. — Идемте со мной! Идемте со мной! — Она развернулась и побежала в дом.

После этого стали происходить страшные события, и непонятная тревожность, царившая в доме в то утро, разъяснилась. Оказалось, что в округе разразилась эпидемия самой опасной формы холеры, и людей повально косила смерть. Ая заболела ночью, и именно ее смерть вызвала тот дикий вой в лачугах прислуги. В этот же день умерло еще трое слуг, остальные в ужасе бежали. Повсюду царил паника, во всех хижинах кто-то умирал.

Посреди всеобщего замешательства и неразберихи Мэри спряталась в детской, и домочадцы про нее даже

не вспомнили. Никто о ней не думал, никому она не была нужна, а за дверью происходили странные вещи, которых она совершенно не понимала. Часами Мэри то плакала, то спала. Знала она только то, что люди болеют, и слышала загадочные пугающие звуки. Один раз она прокралась в столовую и нашла ее пустой, хотя на столе стояли остатки обеда; стулья и тарелки были беспорядочно сдвинуты, словно обедавшие почему-то вдруг поспешно повскакивали со своих мест. Девочка съела несколько фруктов и печений и, поскольку хотела пить, выпила стоявший на столе почти полный бокал вина. Вино оказалось сладким, и она не догадалась, насколько оно крепкое. Очень скоро ее начал одолевать сон, она отправилась обратно в детскую и закрыла за собой дверь, напуганная криками, которые доносились из хижин прислуги, и суетливым топотом ног. От вина Мэри сделалась такой сонной, что веки у нее слипались; она легла на кровать и надолго забылась.

Многое происходило в те часы, которые она провела в глубоком забытии, ее не разбудили ни вопли, ни грохот вносимых и выносимых из хижин вещей.

Проснувшись, Мэри лежала, уставившись в стену. В доме стояла мертвая тишина. Никогда прежде не было в нем так тихо. Ни голосов, ни шагов. Может быть, все выздоровели и беда миновала? — подумала она. И еще: кто же теперь будет заботиться о ней, раз аяя умерла? Наверное, будет другая аяя, которая, возможно, знает новые сказки. Старые Мэри порядком надоели. Она не плакала из-за смерти своей няни, поскольку не была ласковым ребенком и никогда ни к кому особенно не привязывалась. Шум, суета и вой по умершим от холеры напугали ее, и она злилась,

потому что никто, судя по всему, не вспомнил, что она-то жива. Все были слишком охвачены паникой, чтобы думать о девочке, которую никто не любил. Когда бушует холера, похоже, люди думают только о себе. Но, если все снова станут здоровы, кто-нибудь, разумеется, вспомнит и придет за ней.

Но никто так и не пришел, она продолжала лежать в своей комнате, а дом, казалось, все больше погружался в тишину. Девочка услышала какое-то шуршание на циновке у кровати и, посмотрев вниз, увидела маленькую змейку, скользившую по полу и наблюдавшую за ней глазками, похожими на драгоценные камешки. Мэри не испугалась, потому что это было безобидное маленькое существо, которое не могло причинить ей вреда, к тому же, казалось, оно спешило выбраться из комнаты. Девочка проследила, как змейка юркнула под дверь.

— Как странно и тихо вокруг, — вслух произнесла она. — Как будто в доме, кроме меня и змеи, никого нет.

И в следующий миг она услышала шаги на участке возле дома, потом на веранде. Это были мужские шаги. Мужчины вошли в дом, тихо переговариваясь. Никто не вышел им навстречу и не заговорил с ними, и они, похоже, двинулись по дому, открывая все двери и заглядывая в комнаты.

— Какое несчастье! — произнес один из голосов. — Такая милая, красивая женщина... Полагаю, то же случилось и с ребенком. Я слышал, что у нее была дочь, хотя никогда ее не видел.

Когда несколько минут спустя они открыли дверь детской, Мэри стояла посреди комнаты. Выглядела она неприятно: сердитое маленькое создание, хмурив-

шее брови, потому что давно проголодалось и чувствовало себя предательски брошенным. Первым вошел крупный мужчина, офицер, однажды Мэри видела, как он разговаривал с ее отцом. Он казался усталым и озабоченным, но, увидев девочку, так испугался от неожиданности, что чуть не отскочил назад.

— Барни! — крикнул он. — Тут ребенок! Один! В таком месте! Господи помилуй, кто она?

— Я Мэри Леннокс, — горделиво выпрямившись, объявила девочка. Она сочла, что этот человек нарушил правила приличия, самовольно войдя в дом ее отца и к тому же невежливо назвав его «таким местом». — Когда у всех началась холера, я заснула и только что проснулась. Почему ко мне никто не приходит?

— Нет, вы когда-нибудь видели такого ребенка? — воскликнул мужчина, поворачиваясь к своим спутникам. — А ведь о ней и в самом деле все забыли!

— Почему обо мне забыли? — Мэри топнула ногой. — Почему никто ко мне не приходит?

Молодой человек, которого звали Барни, печально посмотрел на нее. Мэри даже показалось, что он моргнул, смахнув слезу.

— Бедное дитя! — сказал он. — Некому придти. Никого не осталось.

Вот при таких странных обстоятельствах и так внезапно Мэри узнала, что у нее нет больше ни отца, ни матери, что они умерли и их унесли ночью, что несколько слуг, оставшихся в живых, покинули дом так быстро, как только смогли, и никто из них даже не вспомнил, что жила в нем некая мисси-саиб. Вот почему было так тихо. Потому что в доме не осталось никого, кроме нее и маленькой шуршащей змейки.